

СОДЕРЖАНИЕ

«Ностальгия, тоска по чему-то, чего не бывало»	9
Глава 1. «Дядя Ленин, открой глазки, нет ни мяса, ни колбаски»	27
Куда пропал друг Вася?	27
Кому на Руси жрать хорошо?	36
«Пирожок дешевый и лечение бесплатное»	51
Зебримость в жизни советской женщины	59
«Ни у кого нет—у тебя есть»	69
Тайна шляпы Андрея Громыко	81
Ботинок для Бенджамина Бриттена	88
Заметки по пищеварительному вопросу	97
«Мы поедем, мы помчимся...»	107
Как выглядят твои трусы	118
Квартирный вопрос	130
Народ и партия едины, но ходят в разные магазины	139
Роль «нужника» в советской жизни	149
Как я не стал мистером Твистером	160
Первый кинозал	170
«А если это любовь?» (1961)	170
«Девять дней одного года» (1962)	172
«Я шагаю по Москве» (1963)	175
«Застава Ильича» (1964)	177
«Никто не хотел умирать» (1965)	179
«Страсти по Андрею» (1966)	181
«Июльский дождь» (1967)	184

Глава 2. Неэкономная экономика	187
Основал ли Сталин Санкт-Петербург?	187
Все хорошо, если верить докладам	197
Кто обладает разрушительной силой?	208
Что осталось от бравого маршала?	217
Тащи с работы каждый гвоздь...	227
Чем ад социалистический лучше капиталистического	241
Проблемы на голом месте	250
Есть ли корова опилки?	261
«Зато мы делаем ракеты и перекрыли Енисей...»	273
Утром нефть — вечером стулья	283
Второй кинозал	295
«Доживем до понедельника» (1968)	295
«Адъютант его превосходительства» (1969)	297
«Белое солнце пустыни» (1970)	300
«Достояние республики» (1971)	302
«Монолог» (1972)	304
«Солярис» (1972)	307
«Звезда пленительного счастья» (1975)	309
Глава 3. Гомосос: среда обитания	312
Прусский учитель в советской школе	312
Трагедия д'Артаньяна	325
Науки естественные, неестественные и противоестественные	336
В «Правде» нет известий, в «Известиях» нет правды	353
Духи, вешайтесь, тоска!!!	371
Третий кинозал	383
«Ирония судьбы, или С легким паром!» (1975)	383
«Дни Турбиных» (1976)	385
«Мимино» (1977)	388

«Обыкновенное чудо» (1978) и «Тот самый Мюнхгаузен» (1979)	390
«Осенний марафон» (1979)	392
«Москва слезам не верит» (1980)	395
«Мы, нижеподписавшиеся» (1981)	397
Глава 4. Адаптация гомососа	400
Аграрный вопрос в «Принцессе Турандот»	400
Поленом по лицу	409
Ливер вместо мяса	419
Система однопартийная, но многоподъездная	428
Хам! Как стоишь перед политзаключенным!	439
Симулякр шестидесятничества	447
Пепел Ромаса Каланты	456
Владимир Высоцкий как социолог	467
Четвертый кинозал	477
«Покровские ворота» (1982)	477
«Полеты во сне и наяву» (1982)	479
«Послесловие» (1983)	482
«Чучело» (1983)	484
«Жестокий романс» (1984)	486
«Зимняя вишня» (1985)	489
«Убить дракона» (1988)	491
Заключение. История для неленивых	494
Библиография	499

Памяти Бориса Максимовича Фирсова

«НОСТАЛЬГИЯ, ТОСКА ПО ЧЕМУ-ТО, ЧЕГО НЕ БЫВАЛО»

В первой половине жизни человек мечтает о прекрасном будущем, которое ему предстоит. Во второй половине, когда особых надежд на будущее уже не остается, он вспоминает о прекрасном прошлом, которое когда-то было. Как говорится, хорошо там, где нас нет. Не только в пространстве, но и во времени. Наверное, такая идеализация времен, где нас нет, помогает человеку перенести унылое настоящее. Во всяком случае, писатель Александр Мелихов много лет уверяет меня как устно, так и письменно — в публицистике и в романе «И нет им воздаяния» [Мелихов 2012], — что без иллюзий ни один человек жить не может.

С тех пор как мне в голову стали порой приходиться мысли о том, что в молодости солнце было ярче, трава зеленее и вода мокрее, я серьезно забеспокоился. Причем отнюдь не о том, что земную жизнь прошел до половины: с этим, увы, надо смиряться. Беспокойство было чисто профессиональным: не заблудился ли я в «сумрачном лесу» былых времен? Идеализация собственного прошлого обернулась для меня, появившегося на свет в 1961 году, идеализацией советской жизни. Сердце мое вдруг стало грустить по мелодичности старых песен, по турпоходам с гитарой у костра, по тем фильмам и книгам, на которых я когда-то учился жизни. Да и в широком смысле

по той культуре 1960–1970-х годов, что превратила меня из ребенка во взрослого человека.

Подобную идеализацию прошлого нетрудно найти во многих современных публикациях о советской жизни, причем их авторы увязывают теплое солнышко, светившее нам в детстве, с преимуществами социального строя [см., напр., Харин 2013: 9–10]. Мемуаристы пробуждают в себе яркие воспоминания, а затем, не погружаясь в анализ социально-экономической и политико-идеологической систем, начинают тосковать о трагедии, постигшей СССР. Порой в личных беседах и спорах я предлагал ностальгирующим людям серьезнее обсудить, скажем, советскую экономику, но сталкивался обычно со словами «Я ее плохо знаю, но как-нибудь обязательно изучу». Кажется, это обещание редко кто выполняет, поскольку изучение всегда сложно, а ностальгия всегда прекрасна.

В душе я порой даже сочувствую людям, ностальгирующим по советскому строю, но вместе с тем, как специалист, много лет занимающийся экономической историей, хорошо знаю, что 1970-е годы были в нашей стране эпохой нарастания хозяйственных проблем и деградации политической элиты. Голова моя совершенно не стремится вместе с сердцем погрузиться в «прекрасное далеко» советского прошлого, отсеченного железным занавесом от культуры остального мира. Сердцем я оказываюсь с людьми, говорящими, как «хорошо в стране советской жить». А разумом — с теми, кто упирает на важность реформ, позволивших нам наконец избавиться от «совка».

Когда разум конфликтует с сердцем, необходимо основательно разобраться в причинах такого положения дел. Требуется отделить нормальную для любого человека ностальгию по ушедшим годам от критического анализа прошедших лет. Проще говоря, требуется понять, почему мы и тоскуем по 1960–1970-м, и проклинаем их одновременно? Что в нашем прошлом определялось социальным строем, а что существовало независимо от него? От какого «наследства» мы должны были решительно отказаться ради движения вперед, а какое является той культурой, которая нас сформировала и перед которой мы в долгу?

Напрашивался, казалось бы, мемуарно-полюемический текст с собственными воспоминаниями и рассуждениями, перемежаемыми ссылками на неправильно вспоминающих прошлое авторов, которых я подвергаю критике. Но мне такой подход с самого начала не понравился. Меня постоянно мучила мысль, что, может быть, я не прав, а мои оппоненты правы. Может, я вспоминаю прошлое неверно? Может, меня подводит память и на меня слишком воздействуют те реформаторские оценки советского прошлого, которые вырабатывались в кругу моих друзей и коллег? Мне хотелось выйти за пределы этого круга и получить оценки большого числа людей, по возможности независимых.

Традиционные научные подходы, применяемые экономической и политической историей, мало помогли прояснить поставленные вопросы. Я долго думал, с какой стороны к ним подступиться, и решение

задачи оказалось неожиданным. К настоящему времени накоплен большой объем материалов мемуарного, дневникового и эпистолярного жанров об интересующей меня эпохе. В основной своей массе это тексты известных людей — писателей и поэтов, артистов и режиссеров, ученых и журналистов. Каждый автор пишет, конечно, о своем. Каждый вспоминает собственную жизнь, успехи и неудачи, людей, с которыми был знаком, и интересные события, которым он был свидетелем. Каждый работает на свою читательскую аудиторию. Крайне редко имеющиеся в нашем распоряжении тексты посвящены таким скучным материям, как экономика и политика. Но поскольку авторы — обычно люди культурные, не замыкающиеся лишь в своем узком кругу проблем, они так или иначе бросают взгляд на общие проблемы существования нашего общества, а не только на театр, литературу или науку. Работая с этими текстами, можно по крупницам выискивать в них интересующую нас информацию о состоянии потребительского рынка, о настроениях, царивших в обществе, об идеологических конфликтах и в целом о том, насколько совпадали желания и возможности советского человека.

Большое достоинство такого рода текстов состоит еще в том, что экономико-политические вопросы для авторов, как правило, второстепенны. Мемуарист может врать, фантазировать или продавливать свою личную позицию, затрагивая творческие вопросы или отношения с коллегами по цеху. Он может стремиться осознанно или неосознанно к тому, чтобы оставить по

себе лишь хорошую память. Но то, что сейчас интересуется нас, относится к побочной сфере, где у автора нет особых стимулов к искажению действительности. Советскую жизнь он описывает «попутно». Он рассказывает о том, что привлекло его внимание вне зависимости от главного. Ради этих деталей он вообще не стал бы писать мемуары или вести дневник, а современный читатель ради них не купил бы книгу. Но нам именно эти детали сейчас интересны. Именно их я старался по крупницам выискивать в толстенных томах, стоящих на библиотечных полках.

Конечно, въедливый критик может сказать, что я ведь работаю с текстами интеллигентов, а не пролетариев. Интеллигенты, мол, в принципе имеют критиканское мышление и обращают внимание на всякие гадости, вместо того чтобы наслаждаться прелестями. Думаю, подобная оценка наших источников неверна. Но, предполагая все же, что критиканское мышление у отдельных интеллигентов может существовать, я старался, прорабатывая том за томом, набрать как можно больше материала от самых разных авторов. Если взгляд на проблему схож у целого ряда не связанных друг с другом людей, то заподозрить искажение действительности может, наверное, лишь сторонник своеобразного конспирологического взгляда. Кроме того, у меня была в жизни возможность сопоставить свои личные представления о жизни в позднем Советском Союзе с представлениями широкого круга производителей: от инженерно-технических работников и служащих

до простых рабочих. В перестроечные годы я много читал лекций на предприятиях (в системе общества «Знание»), а потому по вопросам и комментариям своей аудитории мог составить себе четкое представление о том, видят ли эти люди Советской Союз иначе, чем я, или примерно так же. Должен сказать, что взаимопонимание при общении с трудовыми коллективами было практически полным. По крайней мере, поклонников советского хозяйственного устройства я почти не встречал, и лишь раз после лекции для железнодорожных рабочих где-то на полустанке между Подпорожьем и Лодейным Полем столкнулся с жесткой оценкой одного из слушателей: Сталина нам надо, а не перестройку.

При работе над этой книгой я пользовался в основном текстами, написанными людьми из поколения шестидесятников. Ведь меня интересовал СССР эпохи моей молодости: так называемые долгие семидесятые, длившиеся примерно от подавления Пражской весны в 1968 году до начала перестройки в 1985-м*. Тексты представителей старших поколений относятся

* Календарное время может не совпадать с «социальным». В науке принято говорить, скажем, о долгом XIX веке, который открылся Великой французской революцией (1789), а завершился Великой войной и серией последовавших за ней революций (1914–1918). Это долгое столетие обладает определенным единством, что отразилось, например, в классической трилогии Эрика Хобсбаума [Хобсбаум 1999а; 1999б; 1999в]. В «долгих семидесятых» тоже есть внутреннее единство. То, о чем говорится в этой книге, не возникло, конечно, в 1968 году и не исчезло одновременно в 1985-м. Но вне пределов «долгих семидесятых» многое из того, о чем я здесь пишу, проявлялось не столь ярко, как в пределах этой эпохи.

в основном к более ранним эпохам, а мое поколение (семидесятники) еще не в полной мере «отписалось». Чтобы «выровнять ситуацию», я провел серию бесед с семидесятниками, стремясь получить их устные воспоминания. Это были незабываемые встречи, очень обогатившие меня знаниями, причем получил я гораздо больше, чем смог в этой книге процитировать. Среди моих собеседников были вице-премьеры российского правительства Борис Немцов, Анатолий Чубайс, Алексей Кудрин, Альфред Кох, министры и заместители министров Илья Южанов, Михаил Дмитриев, Дмитрий Васильев, Дмитрий Панкин, генерал Виктор Черкесов, председатель Ленсовета Александр Беляев, а также политики, профессора, журналисты, писатели. Естественно, в ходе этих бесед я возвращался в сравнительно узкий круг своего общения, но, думается, подобный недостаток работы вполне допустим, поскольку эти устные воспоминания у меня не доминируют, а скорее дополняют материалы, полученные из тех опубликованных текстов, что появились вне зависимости от моего желания и принадлежат людям, которых я лично не знал.

Конечно, в этой книге будут и мои личные воспоминания. Странно было бы совсем устранить себя из эпохи, играя в ложный объективизм. Но я старался избежать перекоса так, чтобы любые мои воспоминания о позднем Советском Союзе обязательно сочетались с материалом, полученным от других авторов. Кроме того, я старался не приписывать себе больше мудрости, чем у меня было в юные годы,

и не убавлять у себя того конформизма, который в целом отличал мое поколение. Я не великий человек, пишущий мемуары для того, чтобы оставить по себе благоприятное впечатление у потомков. Я обычный человек, пишущий книгу для того, чтобы оставить у читателя реальное впечатление о прожитой мною эпохе. И сам я должен выглядеть столь же реально, как эпоха.

И еще по мере сил я старался не растекаться мыслью по древу, погружая читателя в личные проблемы, не имеющие отношения к теме данной книги. Эта книга не обо мне, а об эпохе. И я со своими воспоминаниями могу быть интересен читателю лишь в той мере, в какой дополняю собранный материал. Другое дело — та часть книги, которая идет не от разума, а от сердца. Здесь вряд ли возможен объективный анализ. Вряд ли возможно устранить из текста самого себя — свою личность, свое взросление, свои раздумья о жизни. Кто-то из моих читателей скажет, наверное, что все это сентиментальные сопли и не было в советской жизни вообще ничего ценного. А кто-то увидит ценность той культуры, в которой мы сформировались, совершенно иными, чем я, глазами. «Сердечная» часть книги вообще поначалу ускользала от моего сознания. Если методология исследования, описанная выше, нашла меня сама более десяти лет назад просто потому, что я читал мемуары, дневники и письма задолго до того, как решил написать эту книгу, то методология личного переживания эпохи моей молодости долгое время мне не

давалась. В известной мере именно непонимание того, как взяться за изложение сути своей странной ностальгии, объясняет чрезвычайно продолжительную работу над этой книгой, начатой еще в 2010 году, но в какой-то момент почти переставшей продвигаться.

Возможно, кому-то это покажется странным, но я не мог с определенностью дать самому себе отчет в том, что представляет собой моя ностальгия. Не так просто проанализировать собственные чувства и понять, что же не дает покоя. Меня совершенно не устраивало стандартное представление, будто человек тоскует по своей молодости, поскольку молодость — это сила, здоровье, любовь, а старость — это болезни, потеря близких и утрата интереса к жизни. Я никогда не идеализировал свою молодость. Я уже в «долгие семидесятые» стал отчетливо осознавать, что перед любимым молодым человеком стоят чрезвычайно серьезные проблемы, которые временами делают его несчастным. А сейчас я не впадаю в панику от старости, сохраняя по мере сил интерес к работе, к познанию мира, к стремлению определить свое место в нем. Напрашивается вывод о том, что феномен ностальгии значительно сложнее, чем принято порой считать. Мы часто ностальгируем по чему-то такому, что неочевидно даже для нас самих.

Последние десять лет я часто размышлял над этой проблемой, засунув текст почти написанной книги в долгий ящик, и постепенно приходил к выводу, что, скорее всего, моя ностальгия связана не с тоской по прошлому как таковому,

а с тоской по тем мечтам, которые пронизывали это прошлое и которым не суждено было осуществиться. До определенного возраста мы мечтаем и надеемся, что мечты сбудутся. А когда они не сбываются, переносим «сбычу мечт» на все более дальний срок, благо жизнь ведь такая длинная. Но рано или поздно наступает момент, когда предельно ясно становится, что мечты молодости уже не осуществляются. Для кого-то — мечты о прекрасном принце. Для кого-то — мечты о всеобщем признании собственных талантов. Для кого-то — мечты о том таинственном месте на Земле, где наконец придет искомое счастье. Возможно, осознание невозможности «сбычи мечт» — самый трагический момент нашей жизни. Трагический и в то же время переломный. Когда уже невозможно обманывать себя пустыми надеждами, мечты вдруг невероятным образом трансформируются, превращаясь в ностальгию. Прекрасное будущее становится прекрасным прошлым, поскольку трудно ведь жить без прекрасного, хотя бы вымышленного. Иллюзии, которые невозможно засунуть в будущее, засовываются вдруг в прошлое, причем неожиданно для нас самих. Вот тогда-то давно утекшие воды и становятся мокрее, чем нынешние. А исследователь, пытающийся вывести нас на чистую воду в вопросе об искажении прошлого, становится лютым врагом.

Размышляя над всем этим, я однажды наткнулся на замечательные строки поэтессы Ларисы Миллер, выразившей мои мысли ярче, четче и лаконичнее:

*Ностальгия, тоска по чему-то, чего не бывало,
По таким адресам, по которым я не проживала,
По неведомой встрече, которая не состоялась,
По не знаю кому, но кого потерять я боялась,
По каким-то мирам, временам, по какому-то дому,
Где вовек не жила, по небывшему, непрожитому.*

Неясная ностальгия подобного рода может порой рационализироваться. Человек, полюбивший внезапно до боли свое прошлое неизвестно за что, пытается объяснить себе свои чувства. Ему кажется, что солнце тогда было ярче, хотя на самом деле ярче были надежды, которым он предавался под солнцем. Тут-то и выходит на сцену прекрасный Советский Союз с очень вкусным пломбиром, всеобщим равенством и высокими темпами экономического роста. Это, конечно, не полный самообман. Пломбир был и впрямь весьма неплох, равенства было больше, чем сейчас, если не брать во внимание номенклатурные привилегии, а рост ВВП был весьма впечатляющ, если не вдаваться в тонкости статистического учета. Самообман состоит в том, что почитатель пломбира, равенства и экономического роста закрывает глаза на целый комплекс осложнявших жизнь обстоятельств, о которых пойдет речь в этой книге. Но как же не закрыть на них глаза, если ты без всяких размышлений чувствуешь страшную ностальгию в душе и ищешь ей простое рациональное подтверждение?

Поразмыслив обо всем этом, я понял, что моей личной ностальгии в этой книге не место. Мало ли

о чем я мечтал полвека назад и что не сбылось в моей жизни! Я напишу о том, почему «трава не была зеленее», и постараюсь обосновать это всем собранным материалом, а психологию ностальгии оставим психологам. Но если так, не будет ли моя книга носить исключительно критический характер? Не превратится ли она в «чернуху», если описать в ней лишь застойную экономику, убогую политическую систему и безыдейную идеологию? Не возникнет ли у читателя представление, будто наша жизнь была беспроблемна и скрашивалась лишь теми мечтами, со «сбычей» которых дела не заладились?

Конечно, любой автор имеет право написать лишь о том, что ему ближе, оставив иные сферы иным авторам. Но я не хочу так поступать. Не хочу создавать у читателя представление о беспросветности, поскольку оно сильно исказило бы действительность. В нашей жизни всегда есть много такого, что не зависит от социального строя. И в СССР это тоже было. Были детские игры, была юношеская любовь, были открытия и впечатления. Ребенок не думает о дефиците товаров, он думает об игре в футбол с друзьями. Юноша мало думает о комсомольской работе, он больше думает о том, с кем пойдет в кино. И в принципе, книга о нашем прошлом может быть книгой об игре и о любви, но это опять-таки не моя тема. Ее я оставляю писателям. А вот о кино скажу.

Как для меня, так и для многих других людей важнейшим светлым пятном на мрачном экономико-политическом фоне была культура. И за прошедшие

десятилетия мое представление о важности культуры «долгих семидесятых» лишь укрепилось. Специально опускаю перед словом «культура» напрашивающееся, казалось бы, слово «советская», поскольку, на мой взгляд, она скорее имела поколенческий характер, чем социальный. Интересно, что в свое время интервью для этой книги с Анатолием Чубайсом началось (несколько неожиданно для меня) именно с размышлений моего собеседника о роли поколений в культуре. Узнав, что я хочу составить представление о семидесятниках, Анатолий Борисович сказал, что относится к интеллектуальным достижениям нашего поколения весьма скептически, тогда как роль шестидесятников, сформировавшихся в сложный исторический период, считает чрезвычайно важной и видит в этом поколении целостность. Семидесятники создали бизнес, тогда как шестидесятники — это творческое поколение, многое нам оставившее: от абстрактной живописи и поэзии до экономической науки и косыгинской реформы [Чубайс, интервью]. Я, возможно, не столь скептически смотрю на семидесятников (хотя со времени той беседы мое мнение о нашем поколении ухудшилось), но признаю, что вырос на шестидесятнической культуре, являющейся частью большой русской культуры. Проще говоря, я вырос на произведениях шестидесятников (писателей и поэтов, режиссеров и артистов), в которых мне дорог был скорее их духовный поиск, чем попытка найти свое место в рамках советской идеологической системы. Я сопереживал скорее тем, кто шел за

выхолощенными в советской школе Львом Толстым и Федором Достоевским, чем тем, кто шел за мифологизированным советской школой Лениным в надежде обрести идеальный мир раннего большевизма.

Кто-то, конечно, в этом месте сразу сыронизирует, что «в области балета мы впереди планеты всей». Но моя мысль состоит вовсе не в том, что культурные успехи оправдывают «неприглядный вид» социально-экономической сферы. Я полагаю, что, воспроизводя на этих страницах мир эпохи своей молодости, автор должен воспроизводить его без перекосов. Если наш день в конце 1970-х годов включал работу, учебу, длинную очередь, переполненный автобус и унылое комсомольское собрание, то не следует забывать, что он включал также фильм, книгу, спектакль, горный поход и экскурсию по Золотому кольцу.

Несколько лет назад, вовсе не размышляя тогда ни о каком практическом применении своих записей, я решил вдруг сделать в соцсетях цикл воспоминаний о советском кино эпохи моей молодости. Цикл заинтересовал многих читателей, и это навело меня на мысль, что именно данного элемента не хватает в отложенной в долгий ящик книге. Главы, посвященные тому, как проживали мы дни советской жизни, должны дополняться впечатлениями, полученными вечерами, проведенными перед экраном. Так и сформировалась структура этой книги, состоящей из четырех глав и четырех «кинозалов».

В идеале, конечно, надо было бы писать не только о кино, но также о романах, поэмах, спектаклях,

путешествиях. В свое время я ведь проглатывал книгу за книгой, журнал за журналом. Около десяти лет был завзятым театралом, охотившимся за лишним билетиком на улицах Ленинграда и Москвы. А летом отправлялся путешествовать по стране. Конечно, и о драматическом театре, и о художественной литературе, и о горных походах я обязательно здесь скажу, но основной упор все же сделаю на кино, поскольку каждый читатель может легко последовать за автором, отыскав нужный фильм в Сети. Он может вспомнить кино, увиденное сорок лет назад, или посмотреть его впервые, если мы с читателем принадлежим к разным поколениям. Спектакли советской эпохи в основном уже недоступны. Книги доступны, конечно, но — будем реалистами — лишь немногие осилят сегодня те романы, которые в свое время потрясали читателей. А «города и горы», которые я видел, должны быть темой совершенно иной книги. Зато кино в полной мере сюда вписывается. И вслед за мной в «кинозал» может отправиться каждый, кто хочет понять мир позднего СССР. Более того, может быть, я не прав (здесь не существует объективного критерия!), но думаю, что кино, созданное шестидесятниками, — это культурное чудо, вполне сопоставимое по значению с русской художественной литературой XIX века. Надеюсь, что когда-нибудь оно станет обязательной классикой для каждого интеллигентного человека, причем не только в России. И книга о нашей стране «долгих семидесятых» для меня непредставима без «кинозалов».

Завершая предисловие, хочу сказать, что наряду с описанием и анализом позднего Советского Союза я старался размышлять еще и о том, как ушедшая эпоха повлияла на формирование моего поколения — семидесятников, тех, кто вступил в сознательную жизнь на протяжении «долгих семидесятых», то есть после окончания хрущевской оттепели, но до начала горбачевской перестройки. Впрочем, размышления эти в данной книге не слишком подробны и обстоятельны, поскольку формированию семидесятников я посвятил специальное исследование, которое, надеюсь, будет опубликовано в ближайшее время. А пока можно читать препринт моего давнего доклада на эту тему [Травин 2011].

Конечно, я не смог бы подготовить эту книгу без моральной и научной поддержки моей жены Елены Травиной — автора важнейших текстов о семидесятичной ментальности [Травина 2009; Травина 2010]. Вместе с женой мы «долгими зимними вечерами» вспоминали давние годы, сортировали наши воспоминания, устранили вкрадывавшиеся в память ошибки и даже вместе написали две статьи [Травина, Травин: 2010а; Травина, Травин: 2010б]. Некоторые разделы книги, связанные с советской торговлей, потребительским поведением и товарным дефицитом, я без ее помощи вообще не решился бы написать.

Особая благодарность — петербургскому «толстому» журналу «Звезда» (в первую очередь его главному редактору — историку и писателю Якову Аркадьевичу Гордину), проявившему интерес к моей работе

задолго до ее завершения и принявшему к публикации серию статей, в которых мне удалось впервые дать связанное изложение своего взгляда на эпоху застоя в СССР [Травин 2012а; Травин 2012б; Травин 2012в; Травин 2012г; Травин 2012д; Травин 2015]. «Звезда», только что отметившая столетие, является важнейшим культурным феноменом Санкт-Петербурга, и для меня большая честь публиковаться в этом журнале на протяжении тридцати с лишним лет.

Наконец, важно отметить, что эта книга появляется примерно через сорок лет после того, как старая советская система приказала долго жить. В 1985 году началась уже ее постепенная трансформация. Новую эпоху (горбачевскую перестройку и гайдаровские реформы) я здесь не затрагиваю, лишь изредка делая исключение для той информации, которая сущностно связана с эпохой старой. Большим переменам в жизни страны посвящена другая моя книга — «Очерки новейшей истории России. Кн. 1: 1985–1999 гг.» [Травин 2010]. Наверное, тот том, который сейчас лежит перед вами, может рассматриваться в качестве своеобразного приквела к «Очеркам». В совокупности эти две книги дают целостное представление о корнях того мира, в котором мы сейчас живем.

* * *

В те дни, когда над этой книгой уже работало издательство, скончался создатель Европейского университета в Санкт-Петербурге Борис Максимович

Фирсов — великий человек, прошедший путь от первого секретаря райкома КПСС и директора студии Ленинградского телевидения до профессора-социолога и организатора совершенно новой, постсоветской науки. Когда Борису Максимовичу было уже сильно за восемьдесят, он начал работать над книгой об СССР 1964–1985 годов — о стране, которую он познал и в теории, и на практике, приобретя уникальный жизненный опыт. Мы обсудили его фундаментальный доклад [Фирсов 2016а; 2016б] на семинаре Центра исследований модернизации Европейского университета, научным руководителем которого я имел честь быть, но завершить свой труд Фирсову уже не удалось. Не хватило сил и здоровья.

Памяти Бориса Максимовича я посвящаю эту книгу.